

18+

Весь Елегон

КИРИН

дракон, который слишком долго жил среди людей

**Весья Елегон
Ки́рин. Дракон,
который слишком
долго жил среди людей**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68954721

ISBN 9785005971852

Аннотация

Про парня с чистым сердцем, который в замке, унаследованном после смерти отца, обнаружил девушку, запертую в тайной комнате. Отпустить? Вот только в сердце поднимается незнакомая тьма, жадно хрипящая: «Моя!» Справится ли со своей тьмой парень, и так ли проста и невинна девушка? Узнаете, прочитав роман «Ки́рин» Веси Елегон.

Содержание

Пролог	5
глава 1. Когда мы встретились	6
Глава 2. Запах жасмина	17
Глава 3. Тёмные желания	22
Глава 4. Явление монстра	27
Глава 5. Ростки добра и зла	33
Глава 6. Достаточно только представить	53
Глава 7. То, чем он располагает	63
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Кирин

Дракон, который слишком долго жил среди людей

Веся Елегон

*Мы напоминаем облака. Точно так же, как они,
прежде чем уйти, мы должны пролиться дождём.*

© Веся Елегон, 2023

ISBN 978-5-0059-7185-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В стародавние времена жил человек, настолько добрый и отзывчивый, что к нему пришёл сам Бог и сказал:

– Добрый человек, я Бог. Проси всё, что тебе нужно, и я дам.

– Мне ничего не нужно, – с улыбкой ответил человек. – Если только доброго дождя, чтобы вырос хороший урожай у моих соседей.

Бог улыбнулся в ответ:

– Хотел тебя одарить за доброту твою. Но тебе ничего не нужно. Хотя ты думаешь о своих соседях и печёшься о них. Так будь им царём. А в знак своей воли дарю тебе Кирина, чтобы люди не усомнились в твоей власти.

Бог ушёл. А человек действительно стал великим царём и правил долго и справедливо.

Но человек умер, а его сын унаследовал его трон, но не его сердце. И великий дар Бога – Кирин – из дорогого гостя превратился в узника. Но однажды родится тот, кто сможет обуздать тьму своего сердца и подарить свет божественному Кируну.

Весья Елегон

10 декабря 2018 г.

глава 1. Когда мы встретились

Чаще всего из детства на всю жизнь запоминаются самые яркие моменты счастья или боли. Иногда это один и тот же момент.

Под ногами шуршали круглые, отполированные волнами далёкого моря, мелкие камушки. Ночь была тёплой и колыбалась вокруг еле уловимым ароматом цветущего жасмина.

Этот аромат Виктор запомнил даже раньше, чем себя. Жасмином был пропитан каждый камень особняка и всё в нём – фарфоровые чашки, добродушный мопс Бип, утренний чай и простыни... Даже сам Виктор пропах этим запахом.

Но это было не плохо. В минуты страха ребёнок прижимал свои пахнущие жасмином ладошки к мокрым от слёз щекам и, сжавшись в комок, переживал наползающую тьму. Этот запах был для него более домом, чем весь огромный особняк с его пятью этажами пустых комнат и внутренним двориком, в который нельзя было выходить даже под присмотром Лукаса.

Но что-то манило мальчика сюда. Сад хранил некую тайну, которая заставляла цвести жасмин даже в самые лютые морозы бесконечных зим.

Одно лишь упоминание об этом дворике заставляло отца Виктора, Ли Гона – старшего, белеть от гнева. Поэтому слуги боялись заговаривать про двор даже тогда, когда того требовали обстоятельства. Что такое эти «обстоятельства», Виктор ещё не понимал, но догадывался, что что-то произошло и это что-то заставит отца спуститься во двор и, скрывшись за сбитой временем тяжёлой дверью, долго и яростно что-то кричать и бить дорогой фарфор, а может быть, даже китайские дорожные вазы.

Обо всём этом мальчик мог догадываться только по звукам, доносившимся до жасминового куста, за которым обычно он и прятался, проскользнув за отцом в этот таинственный сад.

Но в тот день Виктор, ведомый острым желанием наконец разгадать эту таинственную загадку, выбрался из-за куста и медленно, стараясь не дышать и по возможности ничего не весить, прокрался по усыпанной гладкими камушками тропинке до заветной двери.

Ребёнок замер в густой ночной темноте и дрожащей рукой опёрся о стену, чтобы осторожно заглянуть в тонкую полоску неяркого света, что вырывалась из неизвестности и делила ночь на две неравные половины.

Первое, что удалось рассмотреть – спину отца, стоящего неподалёку, прямо за дверью. Испугавшись, Виктор отшатнулся и уже хотел бежать, но отец отошёл в сторону, и мальчик замер, увидев то, что впоследствии запомнилось ему яр-

ко-зелёным и золотым.

Голос отца вырвал Виктора из безбрежной зелени, что вдруг зашелестела вокруг свежей утренней листвой.

– Это ты накормила её? – Мужчина сжимал в руках глиняную статуэтку и смотрел в сторону, в тёмный угол. В минуты ярости Ли Гон – старший не мог смотреть на тех, кто был причиной этой ярости, иначе, ему казалось, он мог убить. Поэтому мужчина выдохнул, пытаясь взять себя в руки. – Ей ничего нельзя давать, кроме зёрен пшеницы. Сколько раз я говорил тебе... Разве это сложно? Не кормить и не выпускать за эту чёртову дверь...

– Но, Константин, она такая бледная. Я думала... – женщина пригнулась, пытаясь увернуться от запущенной в неё глиняной статуэтки, которая глухо ударилась о каменную стену и рассыпалась осколками на пол.

– Тебе не нужно думать! – проорал бледными губами Ли Гон – старший.

Он никогда не любил ту, что сейчас тряслась от ужаса. Женщина была его женой уже лет шесть, но Константин до сих пор не запомнил её имени. Всё, что ему от неё было нужно – это компания её отца. Ну и, как следствие их брака, сын, хотя и он Ли Гона мало интересовал.

Ли Гон был наследником огромной корпорации, и её процветание стало главной и единственной целью в жизни мужчины. Но всё могло пойти прахом из-за этой сучки, которая вдруг вспылала жалостью к тысячелетней твари!

Мужчина перевёл взгляд горящих яростью глаз к сидящей в кресле девушке-подростку, лет шестнадцати от роду. Хотя ещё вчера это был десятилетний ребёнок.

От мысли, что он потерял как минимум шесть лет, Ли Гон сжал кулаки и закрипел зубами. На протяжении тысячи лет его предкам удавалось сберечь эту тварь. Создание, само существование которого являлось залогом успеха и процветания рода Ли Гон, должно было жить вечно. Для этого нужно было исполнять всего несколько простых правил.

Хотя сам Константин до последнего не верил. Всё, что рассказывал ему его отец, казалось сказкой. Но отец однажды умер, а Ли Гон обзавёлся корпорацией, бесконечными обязательствами перед недовольными акционерами и практически бессмертным монстром, живущим в тайной комнате его дома.

– Больше не думай, – процедил мужчина. – Кирин не человек. Это тварь, которой уже тысяча лет. Не человек... Можешь относиться к ней как к собаке или птице, которую можно кормить только вот этим...

Ли Гон пнул стоящий у стены мешок. Тот упал, и на пол рассыпалось зерно.

Мальчик, всё это время стоящий за дверью, вздрогнул, рассмотрев зерна пшеницы, они были такими же золотыми, как волосы той девочки, что сидела напротив и не сводила с него своих удивительных глаз.

– Кирин, – прошептал мальчик. Недостаточно тихо. Его

услышали.

Дверь распахнулась, на пороге возник бешено сверкающий глазами отец. Но мальчик уже бежал прочь по шуршащей камушками тропинке.

День или два спустя Виктор вернулся. Он, конечно, не смог открыть дверь. И сначала просто сидел, прислонившись спиной к стене. Мальчик прислушивался к едва уловимым звукам, что доносились из комнаты, и ковырял палочкой деревянный угол двери, который не был обит железом.

День подходил к своему завершению. Но солнце всё ещё озаряло своим тёплым светом дворик, зелёные кусты и ноги Виктора, которые он вытянул перед собой.

Скоро мадам Со накроет на стол, и все соберутся на ужин, тогда его обязательно хватятся и пойдут искать. Поэтому нужно было возвращаться, но Виктору ужасно не хотелось. В этом большом доме ему было почти всегда грустно, только вот если бы удалось открыть дверь, тогда можно было бы поиграть с той девочкой. Они бы смогли подружиться, ведь ей было так же грустно и одиноко.

Вдруг земля почти у самого порога зашевелилась и приподнялась, и из образовавшегося маленького холмика на свет показался блестящий чёрный жук. Виктор жуков не боялся. Он боялся темноты и одиночества. Поэтому жук очень быстро оказался в руках любознательного малыша и теперь ползал по пальцам вверх и вниз, щекотно цепляясь

лапками, но ровно до тех пор, пока из-под двери не показались ещё один, чёрный и усатый. Вскоре их собралось больше десятка. Мальчик даже сбегал за картонной коробкой, в которой теперь и копошились деятельные насекомые. Но коробка не смогла надолго задержать насекомых, жуки по одному стали выбираться, бежали к двери и по очереди закапывались обратно в землю. Виктор с сожалением посмотрел на плотно закрытую дверь.

– Если бы я был жуком, я бы смог попасть туда, – прошептал мальчик.

Стоило ему это произнести, как палка, которую он держал в руках, вдруг стала увеличиваться в размерах, как и дверь, стены, трава... И вот уже Виктор удивлённо шевелил длинными усами и пытался не запутаться в шести чёрных лапках, которые вразнобой дёргались, едва он пытался пойти.

Детство – счастливое, беззаботное время. Порой странное и непонятное, то, что может отпугнуть во взрослой жизни, воспринимается как что-то забавное и восхитительное и даже само собой разумеющееся. Поэтому Виктор нисколько не испугался, когда его тело вдруг сжалось и покрылось чёрным похрустывающим панцирем. Едва только колючие лапки задвигались так, как того хотел мальчик, он с неподдельным восторгом ринулся туда, где до того исчезали жуки, и, ничуть не сомневаясь, точно так же, как они, закопался в землю.

Рыть пришлось недолго, взявшееся из ниоткуда чутьё

подсказывало Виктору, куда и как сильно нужно копать. Вскоре мальчик-жук выбрался наружу по ту сторону двери. Вокруг царил полумрак, по углам что-то шуршало, а перед ним возвышалась та самая грустная девочка с золотыми волосами.

От неожиданности Виктор даже смутился. А ещё больше ему стало не по себе, когда он вдруг понял, что снова стал самим собой и теперь уж точно придётся здороваться. Что Виктор и не замедлил сделать, хотя и очень смущался.

– Привет, – пробубнил мальчик, насупившись. Он не особо любил играть с девочками, никогда и не пробовал, но эта сильно ему понравилась. Поэтому Виктор решил быть смелым, настолько, что даже протянул руку.

Поскольку девочка не ответила и руки не пожала, а стояла и пристально смотрела на Виктора и на протянутую им ладонь, мальчик решился на невиданное – он сам обхватил пальчиками руку девочки и пожал. А потом серьёзно добавил:

– Меня зовут Виктор. Давай дружить.

– Кири́н, – приподняв одну из светлых бровей, неуверенно представилась новоиспечённая подружка.

Довольный Виктор ещё сильнее сжал тёплые пальцы Кирина и с нажимом произнёс:

– Всё, теперь мы с тобой друзья! – Затем осмотрел комнату и, не найдя игрушек, с досадой добавил: – Только вот во что мы с тобой будем играть? Я не принёс свои игрушки.

Девочка вслед за Виктором осмотрела свою комнату и тихо предложила:

– Может, почитаем?

– Я не умею, – насупившись, отозвался мальчик.

– Давай я тебе почитаю? Я умею, – сказала Ки.

– Хорошо, только недолго. Почитаем, а после побегаем, – согласился Виктор и пошёл следом за подружкой к книжным полкам.

– Какая у тебя любимая книжка? – всё так же неуверенно спросила Кирин, рассматривая бесконечные корешки расставленных по полкам книг.

– Про рыцарей и сражения, – с жаром отозвался мальчик.

– Понятно. Кажется, у меня есть про рыцарей. – С этими словами девочка отпустила руку Виктора, за которую всё ещё держалась, задумчиво что-то зашептала и, оторвавшись от пола, взлетела, чтобы с довольным видом вытянуть с самой высокой полки огромную тёмно-коричневую книгу.

Мальчик с восхищением смотрел на парящую под потолком девочку. Раньше мама часто рассказывала ему про светлых ангелов, которые оберегают спящих детей, и теперь Виктор был уверен, что Ки и была именно таким вот ангелом. И в жука, наверное, она его превратила.

Но это подумалось и забылось, а Кирин спустилась вниз, держа в руках огромную книжищу. Дети уселись на пол возле старого мягкого кресла, что стояло почти посередине комнаты, и, уложив книгу перед собой, открыли первую страни-

цу.

Ки заправила за ухо светлую длинную прядь и принялась читать:

– Англия. Четырнадцатый век от рождества Христова. Первые годы правления короля...

– А здесь совсем не будет картинок? – всматриваясь в ровные строчки, складывающиеся из бесчисленных букв, подперев щёку кулачком, поинтересовался Виктор.

– Есть. Вот, – перевернув несколько страниц и ткнув пальцем в какое-то подобие карты со стрелочками и цифрами, ответила Ки.

– Нет. Ну это совсем не интересно. Картинки должны быть цветными и чтобы там рыцарь и дракон... – вскочив и оживлённо размахивая руками, сообщил мальчик.

– Да? – задумчиво протянула девочка. – Но тут таких нет. А что, если... – Ки впервые улыбнулась. – Хочешь увидеть дракона?

– А можно? – почти не дыша, спросил мальчик.

– Конечно, – лучезарно улыбнувшись, кивнула Ки, и тут же её окутал светящийся белый туман.

Туман этот заполнил половину комнаты, а после перед застывшим мальчуганом из рыхлого клуба белёсого пара высунулась чешуйчатая тёмно-зелёная морда со светлыми изумрудными глазами.

– Здорово! – выдохнул Виктор и, вскочив, не раздумывая, кинулся прыгать и разгонять руками туман, чтобы рассмот-

реть всего дракона.

Сам Виктор вдруг обратился в рыцаря в звенящих золотых доспехах со сверкающим широким мечом в руках. Но нападать на дракона совершенно не хотелось. Мальчик, всецело поглощённый происходящим, размахивал мечом, стучал по металлическим бокам и, смешно покачиваясь под весом доспехов, то поднимал, то опускал решётчатое забрало и громко смеялся каждый раз, когда изумрудный дракон выпускал из ноздрей очередное клубящееся облако тёплого пара.

Но счастье длилось недолго. Тяжёлая дверь с глухим стуком распахнулась, а на пороге возникли сразу несколько человек – яростно сверкающий глазами отец, бледная мать и испуганные охранники, которые должны были следить за играющим в доме Виктором.

Мальчик испуганно обернулся, за его спиной стояла Ки. Она больше не была драконом, да и сам Виктор перестал быть рыцарем.

Не проронив ни слова, отец выволок сына из комнаты, слуги поспешно закрыли дверь.

Ли Гон – старший тащил сына за ворот кофты. Ноги, одетые в ботиночки, волочились по тропинке, оставляя две неровные полосы посреди разбросанных камней. Ребёнок вырывался, кричал. Требовал, чтобы Ки выпустили. Чтобы дверь открыли. Он размахивал маленькими пухлыми ручками, даже ухватился за ветки жасминового куста. Это не по-

могло, только на ладошках остались две неровные красные расцарапанные полосы и смятые белые лепестки цветов.

Виктор был наказан и целую неделю просидел в своей комнате, а после его отослали подальше из дома. Подальше от тайны семьи Ли Гон.

Глава 2. Запах жасмина

Прошло уже сколько... лет двадцать?

Двадцать лет вынужденной ссылки и невозможности вернуться домой, даже приблизиться.

Тот случай во внутреннем дворике... Произошедшее тогда теперь казалось сказкой, фантазией детского непоседливого ума. Всё, что осталось от него Виктору – это тонкие шрамы на ладонях... а ещё едва уловимый запах жасмина.

Тогда его отец, с упорством маньяка видящий в каждом потенциальную угрозу своему благосостоянию, взбешённый выходкой сына, отправил мальчика в пансионат для богатых, но ненужных своим родителям детей. Затем был университет с ускоренным курсом лекций и классом, также состоящим из избранных неприкаянных отпрысков воротил мира сего.

А после работа в семейной компании.

Всего через год упорного труда Виктор уже сидел в кресле президента английского филиала процветающей корпорации «Ли Гон». Стратегия развития, переговоры, поглощение и разгром конкурентов – всё это слишком легко давалось младшему Ли Гону. И он скучал.

И сейчас, стоя у каменных перил широкой лестницы, ведущей в сад, Виктор вглядывался в скрытую темнотой ночи шелестящую на ветру листву деревьев. Позади, в простор-

ной зале ресторана, играла музыка, слышался тихий рокот голосов и перезвон поднимаемых бокалов. В этом залитом светом золотых лампочек пространстве собрались значимые в обществе фигуры, члены правительства и какие-то знаменитости. Праздновали успешный запуск новой линии товаров, производимых на предприятиях корпорации «Ли Гон».

Виктор раздражённо поморщился, когда тишину наползающих сумерек вскрыл очередной всплеск ликования.

Но хуже, чем пьяный ор, был другой едва различимый звук, который родился там, в глубине залитой светом залы, и теперь неумолимо приближался. И вот совершенно отчётливо – цоканье шпилек по гранитной плитке, которое затихло в нескольких метрах от президента.

Девушка – высокая, стройная, выбеленная до прозрачности блондинка, одетая в длинное, блестящее серебром, облегающее платье, замерла в нескольких шагах от объекта своих нескромных желаний. Она бы хотела заговорить, но язык не поворачивался, да и всё тело словно онемело. Ужасный Виктор Ли Гон. Насколько он был красив, настолько же и страшен. Любой, кому хоть раз выпал шанс привлечь внимание президента, знал, что источником этого страха были его глаза, тёмные и настолько внимательные, что казалось, будто они видят тебя насквозь – все твои тайны, все мысли, абсолютно всё. Поэтому девушка так и осталась стоять и мять в руках хрупкое стекло бокала, наполненного искрящимся шампанским, отчаянно надеясь на то, что прези-

дент сам обернётся и тем самым закончит эту её мучительную пытку.

Но мужчина не повернулся, только облегчённо выдохнул и, достав из кармана портсигар, затянувшись, закурил сигару. Горячий дым обжёг горло и смешался со слюной, расплывшись во рту едва уловимым ароматом жасмина.

Виктор сглотнул слюну, поморщился от горечи и, зажав в зубах сигару, устало облокотился на перила.

Женщины его не интересовали. Нет, он время от времени удовлетворял возникающее естественное желание, но только это и никак не больше. Не было ни чувств, ни потребности в оных. Но это его не волновало. Намного больше Виктора расстраивало то, что запах жасмина на его ладонях становится всё менее заметным. Первые несколько лет выброшенному из родного дома мальчишке ещё удавалось поймать этот запах и вспомнить хруст мелких камней, которыми были усыпаны тропинки в таинственном саду. Но чем больше проходило времени, тем меньше оставалось картинок в его памяти, всё съедала пустота и желание вернуться.

Хотя он мог вернуться. Ли Гон – младший давно уже обзавёлся контрольным пакетом акций, и людей на него работало больше, чем на его отца. Но это бы спровоцировало войну между кланами, из которой, Виктор не сомневался, он бы вышел победителем, а вот отец бы проиграл.

И эти мысли останавливали президента. Уверенный и непоколебимый днём, ночью Ли Гон – младший метался

по своей квартире, словно запертый в клетке зверь. Взбешённый своей мягкотелостью, Виктор рычал в голос, чем немало беспокоил весьма состоятельных соседей снизу. Но их капиталы не шли ни в какое сравнение с состоянием владельца пентхауса, расположенного на последнем этаже элитной высотки. Так что они молчали и продолжали приветливо улыбаться при встрече.

Виктор в очередной раз неспешно втянул горьковатый дым. Сигары, скрученные на заказ из жасминовых листьев, едва ли могли удовлетворить его почти физическую потребность в этом запахе, но всё же...

Блондинка за его спиной судорожно вздохнула и попыталась ещё на шаг сократить расстояние. Но её опередил молодой мужчина, как и президент одетый в чёрный костюм. Он был на голову ниже Ли Гона, но шире в плечах и, кажется, моложе на пару лет. Блондинка обиженно уставилась в спину парню, разрушившему её планы. На удивление, этот обернулся и, сверкнув синими глазами, вдруг спросил, но обращался он не к ней:

– Президент, я помешал?

– Не думаю, что здесь было что-то, чему можно было помешать, – лениво отозвался Ли Гон. И да, он наконец посмотрел на девушку, отчего та ещё больше побледнела и, развернувшись на негнущихся ногах, потрусила в сторону распахнутых дверей. Там её, растерянную, подхватил какой-то мгновенно покрасневший от смущения мужчина,

и они скрылись за лёгкими белыми занавесями, укрывающими отдыхающих от прохлады ночи.

– Вашему отцу стало хуже, – проводив девушку взглядом, сообщил подошедший. Его звали Джон Хёк. Он являлся начальником охраны президента и по совместительству другом, если это так можно было назвать. Виктор особо ни с кем не сближался, а Джон и сам отчётливо видел границы между работодателем и подчинённым и старался их не переступать. Так, разговоры за чашкой кофе и иногда бокал виски в баре, но это в самые худшие вечера президента. Но, возможно, плохие времена скоро закончатся, ведь глава клана Ли Гон – старший совсем плох.

– Сколько? – отвернувшись, глухо спросил Виктор. Его сердце гулко ухнуло.

– Врачи дают эту ночь, не больше. Он зовёт вас, – сухо произнёс Джон Хёк. – Самолёт уже готов к отлёту.

Ветер дул с востока. Президент сбил пальцами пепел. Тот красными искрами закружился на ветру, потух и потерялся в темноте. Виктора охватило странное чувство. Хотелось кричать, и в то же время в груди было нестерпимо пусто. Он возвращается домой...

Глава 3. Тёмные желания

Он умер. Человек, который был его отцом. Они не виделись долгих двадцать лет, но всё, что Ли Гон – старший на­шёл сказать сыну, это: «Ты принадлежишь корпорации. Поэтому береги эту тварь, иначе корпорация сожрёт тебя».

И больше ничего.

Старик просто закрыл глаза и покинул этот бранный мир, а Виктор остался стоять в дверях тёмной душной комнаты, разглядывая бездыханное тело, которое мгновение назад было его отцом.

Но Ли Гон приходил в себя недолго. Спустя пару минут он уже шёл по тропинке через внутренний дворик. У Виктора было дело – освободить того, кто заперт. Он отказывался быть причастным к этому кошмару, что творился в его семье на протяжении многих поколений.

Ночь подходила к своему завершению. Вокруг звенела предрассветная почти прозрачная тьма. Тропинка, петляя между деревьями, услужливо вела к заветной двери, и всё так же, как и двадцать лет назад, похрустывали под ногами гладкие, привезённые бог знает с какого морского побережья камушки.

Замедлив шаг, Виктор втянул пропитанный ароматом жасмина прохладный ночной воздух. Тяжесть, все эти два десятилетия давившая на мужские плечи, истаяла, испари-

лась, оставив лишь трепет от близости момента, который был ожидаем все эти годы. Детство, перечёркнутое одной нелепой ошибкой, казалось, вдруг вернулось и наполнило Виктора, как тёплый воздух наполняет воздушный шар, и тот преодолевает земное притяжение и стремится в небо. Помыслы Ли Гона были сейчас чисты и непорочны, насколько вообще бывает непорочен взрослый человек, почти вплотную подошедший к исполнению мечты, возникшей ещё в детстве и с той поры пульсирующей в самом центре сознания.

Сейчас, когда ошибки прошлого были не то чтобы исправлены, а просто исчезли вместе с уходом отца, будущее представлялось ясным и светлым. Осталось лишь открыть дверь в тайную комнату и освободить томившегося за ней пленника.

Что бы ни говорил отец, но жизнь Виктора не может быть связана с насилием над живым существом. Эти глупые суеверия его предков, воля кланов, правила и законы... Тайнственное существо, которое являлось залогом благосостояния семьи, столетиями томящееся в тайной комнате... Всё это больше походило на массовый психоз, и Виктор ничему из того, что смог узнать за эти годы, решительно не верил. Это маразм, и с ним будет покончено. Теперь уж никто не помешает. Виктор это знал.

За ним бесшумно, словно тень, следовал верный Джон Хёк. Остальная охрана проверяла комнаты особняка. Глава рода сменился, нужно было убедиться, что в одном

из тёмных углов не притаился наёмник, подосланный кем-то из тех, кто желал занять это место.

Но Виктора происходящее вокруг мало интересовало. Мужчина, не останавливаясь, распахнул тяжёлую, затянутую кованым железом дверь, чтобы наконец шагнуть в пространство скрытой комнаты.

Сердце дёрнулось и сорвалось в пропасть.

Чёрные, горящие почти лихорадочным возбуждением глаза мазнули по бесхитростной обстановке, чтобы впиться в тонкую фигуру девушки, сидящей в кресле и спокойно читающей книгу...

Он смотрел и не мог поверить. Секунда, ещё одна, время шло, а видение и не думало исчезать.

Виктор тяжело сглотнул и поморщился. Это действительно была она. Та девочка из его детства. Только вот за эти двадцать лет она совсем не изменилась и выглядела точно так же, как в тот день их встречи. Как такое возможно? Виктор запутался.

Да, тот Виктор, который был президентом корпорации, который управлял финансами, заключал многомиллионные сделки, который вершил судьбы многих тысяч людей, этот Виктор растерялся, не зная, что можно сказать в этой ситуации. В его мозгу сейчас крутились идиотские вопросы: «Она меня помнит?» и «Что значит теперь наша однодневная дружба? Сохранилось ли за мной право называть её по имени?»

Виктор так и стоял, не смея произнести ни слова, рассматривал вполне реальную девушку, которую за долгие годы самовнушения записал в ряды снов, видений и фантазий...

А Ки сидела в кресле, поджав под себя ноги. Синий полупрозрачный шёлк, из которого была сшита туника, что служила одеждой для Ки, ниспадал волнами на пол, и после нескольких минут молчаливого созерцания начинало казаться, что это не шёлк вовсе, а вода.

Длинные золотые волосы девушки, часть которых была собрана от висков в хвостик, торчащий на затылке, мягкими локонами ложились на плечи. Ярко-зелёные глаза, скользкие по блёклым, выцветшим от времени страницам, медленно, крайне нехотя оставили своё увлекательное занятие и недовольно обратились к застывшему посреди комнаты мужчине. Несколько тягучих секунд – глаза в глаза – зелёное и чёрное, словно застывшее пламя огня, заточённое в янтаре.

Наконец тонкая тёмно-золотая бровь изогнулась, выражая некое подобие удивления, а затем девушка поморщила носик и молча вернулась к прерванному занятию, явно доставлявшему ей большее удовольствие, чем внезапное вторжение незнакомца.

Виктор побледнел. И без того чёрные глаза почернели настолько, что стали походить на два бездонных колодца. Длинные пальцы сжались в кулаки. Ли Гон, не младший и не старший, но теперь уже единственный, развернулся

и вышел в ночь. Джон Хёк остался стоять у распахнутой двери.

– Не выпускать. Следить, чтобы не выходила, и никого к ней не впускать. Кормить буду сам, – донеслось от стремительно удаляющегося президента.

Начальник охраны поспешно закрыл дверь. Задвинул засов. Задумчиво посмотрел вслед скрывшемуся в темноте другу, затем на тяжёлую деревянную дверь, силясь понять, что же здесь произошло.

Глава 4. Явление монстра

Утро застало Виктора взъерошенным и потерянным, сидящим на детской кроватке, когда-то принадлежавшей ему, в комнате, которая была его детской спальней.

Президент обнимал подушку и застывшими чёрными глазами, под которыми по прошествии бессонной ночи залегли тёмные круги, пялился в стену, оклеенную тёмно-зелёными обоями с медведями и деревянными паровозиками, на них нарисованными. Он не понимал, что, чёрт возьми, вообще произошло?

И ведь правда... Десятилетия ожидания, раздумий и уже почти нерушимой уверенности в том, что он освободит того, кого бы ни нашёл в этой комнате. Это по-детски чистое, искреннее, почти рыцарское желание, зародившееся в сердце маленького ребёнка, росло и крепло вместе с ним. И ощущалось непоколебимым и единственно правильным. Освободить пленника казалось естественным, как желать дышать ради того, чтобы жить. Но...

Но стоило открыть эту проклятую дверь и перешагнуть через порог, как мир словно перевернулся с ног на голову, меняя южный полюс на северный.

Хватило одного взгляда, короткого мгновения, за которым последовало моментальное узнавание, и он пропал. Всё это напускное, притянутое разумом благородство как ветром

сдуло, оставив голую, какую-то звериную чудовищную жадность и страх потерять.

Это было не по-человечески – чувствовать такое относительно живого существа, живого человека. Но тогда она вдруг стала не более чем вещью, самой дорогой вещью. Просто теперь мужчина не мог позволить этой девушке быть человеком, существом, имеющим свои права на свободную жизнь.

Виктор вдруг осознал, что должен любой ценой оставить её у себя. Закрыть, запереть. Мужчину словно подменили. Внутренняя перемена была настолько разительной, что Виктор потерялся в отвращении к себе самому, неожиданно низкому и алчному, совершенно чужому. Но хуже всего было то, что она, девушка, Кирин, смотрела так, что сразу стало понятно, что она видит его насквозь, все его мысли... всё его перекорёженное жадностью нутро, и это совершенно не удивляет её, это так ей привычно, что не стоит ни секунды её внимания.

И Виктор позорно сбежал и сейчас, вспоминая это, кривился от отвращения. Закрывал глаза, пытаясь не видеть перед собой бледное лицо с нечеловеческими зелёными глазами, скрипел зубами. В этом всё безмерно радовало только одно: он не приказал заковать её в наручники или вообще приковать к батарее огромной тяжёлой цепью, хотя желание это было почти нестерпимым. Одна только мысль, что девушка вдруг сможет убежать, сводила с ума.

Так что план действий был неясен, будущее туманно. Единственное, в чём президент был сейчас абсолютно уверен, – это то, что пора завтракать и он должен идти кормить Кирина.

Но если внутренний мир Ли Гона был разрушен до основания и теперь на дымящихся развалинах поспешно возводилось что-то новое и пугающее, то внешний мир вовсе не менялся, время продолжало свой неспешный ход, и дела, о которых Виктор совершенно забыл, настигли его буквально при выходе из детской спальни, в которой он провёл мучительную бессонную ночь.

Секретарь в сером пиджаке и круглых, отсвечивающих в полутьме коридора очках уважительно склонил голову, приветствуя нового главу клана. За его спиной толпились ещё несколько человек в таких же безлико-серых пиджаках и с бесчисленными папками в руках. Чуть в стороне от стены отделилась тень, медленно приняв знакомые черты Джона Хёка.

Виктор раздражённо поморщился, вспоминая реальность и все свои обязанности владельца корпорации. Отец оставил огромное, просто неисчислимое наследство. Уйдёт как минимум неделя, чтобы подписать все необходимые бумаги, узаконивающие передачу имущества, понять, как обстоят дела корпорации, и решить судьбу людей, что работали непосредственно на отца, а потом ещё много чего...

– В кабинет, – направляясь в сторону лестницы, прика-

зал Ли Гон. Сам он должен был принять душ, может, это приведёт его в чувство? Его раздражало чувствовать себя побитым, потерянным щенком, а он себя сейчас именно так и ощущал, застигнутый врасплох обязательствами и не имеющий возможности идти туда, куда идти очень хотелось.

Секретари послушно отправились в тот самый кабинет, на ходу обсуждая предстоящий фронт работ. Только Джон Хёк следовал за президентом, и когда они поднялись на второй этаж, Ли Гон остановился, чтобы тяжело выдохнуть, и после непродолжительного гнетущего молчания, в котором читалось много чего, не поворачиваясь, как-то обречённо спросил:

– Как она?

Джон не сразу нашёлся, что ответить. Он, конечно, понял, о ком идёт речь, он просто правда не знал, что ответить. С того момента, как президент покинул тайную комнату, девушка не вставала и не отрывала глаз от книги, только изредка перелистывала страницы. Она не спала, не ела, не пила, и, если присмотреться, создавалось впечатление, что даже не дышала. И вот как можно было описать это? Нормально? О нормальности здесь речи не могло быть, а расстраивать и без того подавленного президента не хотелось, поэтому Джон кивнул и произнёс:

– Она читает.

Ли Гон так же кивнул в ответ, Джону даже показалось, что до главы клана не совсем дошло то, что он сказал. Возможно,

он его даже не услышал.

– Покорми её. Я буду поздно, – приказал президент и скрылся за дверью спальни, которую для него приготовили слуги.

Джон снова остался созерцать закрытую дверь. Но стоял он так недолго; развернувшись, парень поспешил выполнять приказ.

Всё, что он знал о девушке, Джон услышал от мадам Со, которая, как оказалось, почти двадцать лет проработала в особняке. По приезде Джон успел познакомиться со всей прислугой в доме, положение обязывало. А сердобольная мадам Со его ещё и чаем успела напоить, во время чего выболтала новоиспечённому главе службы безопасности все подробности о девушке, которая содержится в тайной комнате.

Хотя говорила она полушёпотом и с оглядкой на дверь, но всё же Джон узнал и о как бы божественном происхождении Кирина, и о том, что девушка не вырастет, хотя её возраст уже перевалил за тысячу лет.

Всё это звучало сомнительно, и Джон, конечно, не поверил. Да и смысла в этом разговоре он особого не видел, поскольку знал, что президент намеревается освободить пленницу. Джон давно был в курсе этой ситуации с заточением. Это подсудное дело, и в случае если информация об этом просочится в прессу, разгорится скандал, что определённо вызовет обвал стоимости акций «Ли Гон Индастриз», а корпорация понесёт многомиллиардные убытки. Так что жела-

ние президента было весьма рационально. Но что-то пошло не так. Об этом Джон решил подумать позже. А сейчас нужно было отыскать мадам Со, которая присматривала за девушкой, и позаботиться о завтраке.

Глава 5. Ростки добра и зла

Зерно. Девушка ест зёрна пшеницы, и это уже весьма странно. Пьёт только воду – это ещё куда ни шло. А ещё с ней нельзя разговаривать и по возможности следует стараться не смотреть в глаза. Странно? Да. Но это то, что удалось выяснить Джону Хёку у поспешно собирающей свои вещи пожилой женщины.

Мадам Со никто не собирался отпускать, поскольку она знала слишком много и относилась к тем людям, судьба которых должна была решиться сегодня президентом. Но женщина этого не знала, хотя определённо чувствовала опасность и очень надеялась покинуть усадьбу в числе тех счастливиц, которые уже получили расчёт и должны были уехать на заказном автобусе ровно в полдень.

Мадам Со трясущимися руками передала Хёку толстую, потрёпанную временем тетрадь. Парень пролистал несколько страниц, исписанных нервным, тянущимся вправо почерком. Что-то было зачёркнуто, что-то переписано и обведено.

– Вот здесь абсолютно всё, что касается Ки, – косясь в сторону дверей, заговорщицки прошептала женщина. А после добавила ещё тише: – Джон, я вижу, ты человек с добрым, светлым сердцем. Держись этого света. Иначе ты долго здесь не протянешь. Здесь трудно выжить. Когда приходится бороться с самим собой... Для многих эта борьба уже закон-

чилась поражением.

– О чём вы? – сведя на переносице светлые брови, спросил начальник охраны.

– Это проклятая земля. Все, кто ступает на неё, становятся причастны к совершённомu греху. И это непосильная тяжесть. Но, конечно, тяжелее всех придётся молодому хозяину, – завершила свою тираду женщина и задумчиво уставилась в окно. Затем вздрогнула и, засуетившись, принялась утрамбовывать оставшиеся вещи в старые потёртые чемоданы.

– Скажите, а... она вообще не спит? – всё-таки спросил парень, хотя и сбился на середине предложения.

– В тетрадке есть всё, что нужно знать про Ки, – отмахнулась мадам Со, явно не желая больше отвлекаться на разговоры.

Джон Хёк вышел молча, не стал расстраивать пожилую женщину и говорить о том, что ей вряд ли удастся покинуть усадьбу сегодня. Это ей скажут другие, и уже совсем скоро. Хёк передёрнул плечами и, сжав злополучную тетрадь в пальцах, поспешил выполнять приказ президента.

Комната была небольшой. Может, метров двадцать, но в ней умещался камин. Хотя в камине не было дров, и из-за крайней степени заброшенности, в которой он находился, сложно было представить, что в нём когда-то мог пылать огонь.

Ещё в помещении был стол. Полки с бесчисленными книгами закрывали стены почти полностью. В углу стояла двуспальная кровать, скрытая цветастым, но блёклым от времени пологом. И почти по центру – кресло, в котором неподвижным каменным изваянием и сидела Ки, как её называла мадам Со.

Вопреки предупреждению, которое взволнованная мадам Со повторила несколько раз, дабы убедиться, что Джон воспринял его всерьёз, о том, что на девушку лучше не смотреть, глаза сами собой возвращались к Кирин и снова и снова удивлялись её нездоровой, какой-то нереальной бледности, которой отливала кожа тонких рук, шеи и лица.

Джон вот уже в который раз заставил себя отвернуться, чтобы наконец найти упомянутый домработницей мешок с зерном. Воду он принёс сам – большую двадцатилитровую бутыл, которую управляющий радостно вручил ему, упомянув, что вода у мисс вчера должна была закончиться и бутыл следует заменить. Бутыл в итоге была поставлена рядом с полупустым мешком, в котором и обнаружилась та самая пшеница.

Парень развязал мешок и деревянной плоской, найденной в его недрах, попытался зачерпнуть зерно, что закончилось полным фиаско. Нет, зачерпнуть-то он зачерпнул и даже достал плоску из мешка, а вот дальше всё пошло не по плану.

– Твою ж... – вскрикнул начальник охраны и, отшвыр-

нув деревянную миску, отпрянул от мешка, чтобы совсем по-детски запрыгать на месте, стряхивая с рукава пиджака чёрного, блестящего, просто огромного, величиной с добротную металлическую зажигалку, жука, зацепившегося своими когтистыми лапками за ткань. Страхиваться жук категорически отказывался.

Впрочем, он был здесь не один. Из-под упавшей на пол и опрокинувшейся миски, помимо пшеницы, по полу рассыпались его чёрные собраты и принялись резво расползаться в разные стороны.

Джон, считающий себя человеком, повидавшим многое, следовательно ко многому готовым, побледнел и, потянувшись, пальцами ослабил ворот рубашки. Взять себя в руки и не визжать, как девчонка, при виде жуков, которых он не переносил с детства, оказалось не так-то просто. Но всё же начальник охраны справился, сглотнул сухой ком, с болью прокатившийся по горлу, и, стараясь не передёргивать плечами, наклонился за плоской, а затем зачем-то посмотрел на девушку. И вот тут снова вздрогнул, почувствовав сразу всем телом тяжёлый взгляд пронзительно-зелёных глаз.

Холодный пот, дрожь, расползающаяся по коже, ощущение всё наращивающего свой темп сердца, шум в ушах... и привкус дешёвого, но действительно пугающего ужасика.

А Ки медленно захлопнула книгу, не вставая, всем телом повернулась к застывшему возле мешка парню и, словно наконец ожив, скинув оцепенение, выбравшись из него, как

из старой, давно отмершей кожи, светлым до звона в ушах голосом вдруг спросила:

– Вы читали Библию?

Ощущая лёгкое онемение мозга, Джон попытался сообразить, как ему, собственно, поступить в этой ситуации. Президент не давал никаких конкретных указаний. И было непонятно, нужно ли соблюдать правила поведения, про которые твердила мадам Со? Президент вроде как хотел освободить пленницу...

А девушка всё смотрела на него этими своими до дрожи странными глазами и ждала ответа.

И ещё ползающие под ногами жуки...

В ушах у Хёка от этого шумело всё сильнее. Поэтому, оглушённый и испуганный, начальник охраны не нашёл ничего лучше, чем замотать головой, абсолютно отрицая всякую причастность к духовной литературе и Библии в частности.

Такой ответ весьма опечалил Ки. Она недовольно суксилась и, положив книгу (только теперь Джон рассмотрел, что это действительно была Библия) к себе на колени, поставила на неё свои острые локотки и подбородком опёрлась на сцепленные меж собой пальцы рук.

– Это очень жаль, – протянула девушка. В её глазах всколыхнулась и опала печаль, оставив медленно таять яркие искры. Джон невольно засмотрелся, а Ки задумчиво продолжила: – Значит, вы Его совсем не знаете. А мне так хотелось

поговорить о Нём хоть с кем-нибудь.

– О ком? – Наверное, впервые в жизни обычно собранный и крайне ответственный Джон Хёк на мгновение позабыл себя и свои обязанности, и вот как же это было некстати! От звука своего голоса парень, конечно, пришёл в себя, но, как говорится, было уже поздно.

Девушка встрепелулась и многозначительно произнесла:

– Конечно о Нём. – Говоря это, Ки загадочно ткнула пальцем в потолок. – Хотя здесь про Него мало что написано, всё больше про людей. Да и то, что написано, не всё правда, но приятно иногда вспомнить былое. А вы что любите читать? Фантастику, нон-фикшен, детективы?

Ки легко поднялась с кресла и всего-то приблизилась к полкам с книгами, а Джон Хёк вдруг отчётливо осознал то, что перед ним не жертва сумасшествия целого клана, а некое существо, которое было чем угодно, но не человеком. Ведь Ки проплыла по воздуху, совсем не касаясь пола, так что её поступь не потревожила ни зёрна, разбросанные по полу, ни бегающих среди них жуков.

– Мне в последнее время нравится фантастика. Знаете, человеческие фантазии на тему будущего весьма занимательны. Разные машины времени, роботы, искусственный разум, захватывающий миры... О, и вот ещё – пришельцы из далёкого космоса... – Девушка прыснула в ладошку и, отсмеявшись, продолжила водить кончиком тонкого, почти прозрачного пальца по корешкам плотно составленных

книг.

Ки ещё что-то говорила, но Джон уже не слушал. Подняв миску с пола, наполнил её пшеницей, поставил на стол. Откупорил принесённую бутыль, налил воду в стеклянный стакан, поставил рядом с миской. И, так и не произнеся ни слова, вышел вон.

Только плотно закрыв дверь и задвинув засов, мужчина смог выдохнуть. Обессиленно прислонившись спиной к массиву двери, поднял руки. Они мелко дрожали.

Нет. Это определённо ненормально.

Джон к своим двадцати пяти был уверен, что мир уже не сможет его удивить.

В детстве Джон верил, что самая страшная вещь – это смерть. И самая ужасная вещь, которую ты можешь сделать, – это убить.

Но после того как эта черта была пройдена, сердце Джона словно застыло. Его ничего не трогало и не пугало. Иногда ему даже казалось, что он может контролировать эту пугающую часть мира. Он думал, что он имеет власть над чем-то. Это так, будто он знал, что где-то там никого нет. Нет того, кто смотрит и перед кем придётся потом отвечать.

Но сейчас там, за этой чудовищно хрупкой дверью, обреталось то, что одним своим существованием отвешивало звонкую пощёчину, приводя в чувства. Есть что-то большее, чем человек, чем его глупые, наивные мысли и убеждения... И вот теперь становилось действительно страшно. Просто

жутко. После того как ты, уверенный в своей безнаказанности, совершал безоглядно то, что от тебя ждали люди, такие же слепые, как и ты...

Остаток дня Джон Хёк просидел на земле, подпирая спиной заветную дверь. Мимо пробегали, спеша по своим делам, чёрные жуки, с шуршанием заползая в щель под дверь. Джон сначала замечал каждого, затем по привычке, но так и не расслабился, прислушиваясь к звукам, изредка доносившимся из комнаты.

Каждый новый шорох сбивал цепочку навязчивых мыслей, без остановки крутившихся в гудящей голове Хёка.

Солнце появилось в прямоугольнике неба, очерченного стенами особняка. Появилось и так же исчезло, пройдя по диагонали. Начало смеркаться. А начальник охраны всё сидел на земле, только теперь он, не стесняясь, вытянул ноги и, откинувшись на дверь и запрокинув голову, рассматривал звёзды, появляющиеся в тёмно-синем прямоугольнике неба, зависшего над таинственным садом. Джон думал о вечном. Не хотел, но думал. Внутри, в его душе ничего не ломалось, просто словно проклёвывалось и разрасталось. Расцветало.

Он слышал шаги ещё до того, как высокая фигура отделилась от прямой темноты. Он успел вскочить и хоть как-то встряхнуться. Даже пару раз сам себе отвесил пощёчину, чтобы выбить странное и вместить обычное. Успел. Выдохнул.

– Президент, – начальник охраны поклонился, привет-

ствуя главу клана.

Виктор остановился перед Джоном, тот поспешно отступил, чтобы пропустить президента.

Ли Гон выглядел уставшим. В неверном свете жёлтого фонаря его лицо вырисовывалось чересчур бледным и заострённым, а глаза и вовсе выглядели чёрными провалами. Ли Гон кивнул другу и, прежде чем отодвинуть засов, спросил:

– Ты накормил её?

Джон Хёк утвердительно кивнул:

– Тарелка пшеницы и стакан воды...

Что-то изменилось. Начальник охраны понял это ещё до того, как договорил, поэтому замолчал прежде, чем прозвучало еле уловимое:

– Я же просил накормить её.

– Но...

– Накормить нормальной едой. – Голос звучал тихо, но от гнева, который ощущался упругими волнами, толчками исходившими от взбешённого президента, волосы на голове Джона встали дыбом.

– Жду тебя через пять минут с полноценным ужином, – припечатал Ли Гон и скрылся за жалобно скрипнувшей дверью.

– Слушаюсь, – козырнул уже в закрытую дверь Джон и рванул выполнять приказ.

Да, Виктор устал, но устал не от навалившихся дел. Муж-

чина устал от своих эмоций, которые разрывали его на части, – желание вернуться в тайную комнату и страх перед теми его тёмными мыслями, которые пока поутихли, но кто знает, что произойдёт, когда Виктор вновь переступит порог тайной комнаты?

И вот, шагнув через порог в пространство, до краёв наполненное её присутствием, глава корпорации нервно выдохнул и всем телом ощутил, как за спиной глухо захлопнулась дверь.

Стремительный взгляд через всю комнату – и встреча с зеленью, мгновенно затопившей всё вокруг. И снова заговорщицкий шелест листьев в кронах окутанных ночью деревьев...

Девушка сидела на краю кровати и наматывала золотой локон на прозрачный розовый ноготок. На её коленях снова лежала книга. Ки нехотя закрыла томик и отложила в сторону.

Мужчина жадно наблюдал за каждым её движением. Он был бы рад так не напрягаться, но ничего не мог с этим поделать. Можно было бы заговорить и разбить это всё нарастающее чудовищное напряжение, но он не мог заставить себя произнести хоть что-то. Глаза абсолютно против его воли скользили по розовым пухлым плотно сомкнутым губам девушки. Она была недовольна его появлением, Виктор абсолютно точно знал это.

Мужчина выдохнул и на мгновение закрыл глаза. Попы-

тался сфокусироваться, но мысли сбивались, в голове гудело. Он понимал, что это ненормально. Невозможность справиться со своими эмоциями злила. Но ведь он взрослый вменяемый человек! Нужно собраться.

Перед глазами пронеслась картинка, давно позабытая и вдруг всплывшая на поверхность из глубин памяти: грустная девочка и маленький мальчик, держащиеся за руки.

– Слушай, ведь ты меня помнишь? Я Виктор. Мы с тобой дружили в детстве. – Мужчина поморщился от просящих ноток, которые прозвучали в его голосе, когда он пытался выпросить у девушки, сидящей напротив, узнавание себя.

– Виктор... – как-то печально и на выдохе произнесла Ки. – Я помню.

В сердце мужчины даже что-то ёкнуло, но взгляд девушки не выражал никаких эмоций, кроме разве что грусти. И от этого стало вдруг ещё больше не по себе. Повисло неловкое молчание.

Девушка сидела ровно и смотрела на мужчину, застывшего у двери, как на пустое место. Но Виктора бесило сейчас не это. Ещё до того, как он пришёл сюда, мужчина знал, что должен сказать и сделать. Он должен был отпустить Ки. Открыть дверь нараспашку, сказать, что она свободна, и молить о прощении за своего отца, который лишил Ки свободы, за себя, так долго не возвращавшегося, чтобы освободить её, за их такую нелепую встречу спустя двадцать лет.

Но он не мог заставить себя сделать это. Всё его тело слов-

но окоченело. Виктор просто не мог открыть рот, чтобы произнести эти два слова «ты свободна». Он не мог.

Вместо этого он отвернулся от Ки и прошёлся по комнате, мимо книжных полок и камина. Подошёл к креслу, на котором вчера сидела Ки. Оно было старым, обивка на нём кое-где протерлась, так что наружу торчали куски ваты.

Мужчина по-хозяйски обвел комнату оценивающим взглядом и, заранее ненавидя себя за то, что собирался сказать, произнёс:

– Я прикажу поменять мебель. Можешь выбрать сама что понравится. Тебе принесут каталоги.

Слова повисли в воздухе. Хотелось сбить оставленный ими горький привкус, и мужчина взглянул на девушку, ожидая увидеть хоть какие-то эмоции, но Ки сидела неподвижно, словно статуя. Даже смотрела она сейчас не на Виктора, а на то место, где он стоял до этого. Президент разозлился ещё больше, теперь на то, что Ки не радуется его щедрости.

– Теперь всё будет по-другому. Я позабочусь о тебе. Ты меня слышишь? – подавшись вперёд, сквозь зубы прорычал он. Ки улыбнулась и наконец перевела взгляд на бледного, тяжело дышащего мужчину.

– Я вас слышу, господин. Бесконечно благодарна вам за вашу щедрость. – Произнося это, Ки склонила голову, и светлые пряди её золотых волос заскользили, падая на бледные руки, лежащие на коленях.

Эта покорность девушки острой болью прошла по внут-

ренностям вздрогнувшего мужчины. Но ненависть к себе блекла перед нечеловеческой жадностью, которую сейчас совершенно неожиданно разбавило новое чувство – вождение.

– Я не могу тебя отпустить, – надтреснутым голосом произнёс Виктор.

– Конечно, господин. Вы этого не должны делать, – выпрямившись и смело встретившись глазами с чернотой глаз президента, эхом отозвалась Ки.

– Не должен, – растворяясь в нереальной зелени глаз девушки, повторил мужчина.

– Вы желаете совсем другого, – произнесла Ки и заправила золотую прядь за ухо.

И столько жалости читалось сейчас во взгляде девушки, что мужчина отпрянул.

Взгляд мгновенно почерневших глаз президента прошёл с головы до пят, очертив фигуру девушки, запоминая каждый изгиб, абсолютно всё до мельчайших деталей.

– Чего же? – надтреснутым голосом спросил он.

– Вы жалеете о том, что так и не сказали отцу. И ещё... мечтаете о том, чтобы он признал ваши заслуги перед компанией и хоть раз сказал, как гордится вами, – выдала Ки. – И... – девчонка помедлила пару мгновений, словно над чем-то раздумывая. Меж сведённых к переносице светлых бровей залегла ломаная морщинка. А затем, решительно кивнув, как бы в подтверждение своих слов, сказала: – Я могу

это устроить. Вы можете поговорить с отцом.

Ли Гон вздрогнул, когда в комнате за его спиной прозвучал до боли знакомый жёсткий голос:

– Что здесь происходит? Кто пустил тебя сюда?

– Отец? – Виктор развернулся на ватных ногах, чувствуя, как жизнь вытекает из тела по крупицам по мере того, как его заполняет страх, а потом и злость...

– Щенок... – прошипел отец, оскалив пожелтевшие от времени и болезни зубы. Он был худ и стар, руки его тряслись мелкой дрожью, а правый глаз уже навсегда был прикрыт неподвижным веком. Его так и хоронили с полуоткрытым потускневшим глазом. Правда, сейчас он сиял, подпитываемый бурлящей внутри злостью. – Так и не дождался моей смерти, приполз сюда, хотя твой отец всё ещё жив! Метись на моё место? Привёл с собой убийц... Где они?! – заозиравшись, прохрипел Ли Гон – старший. Но не увидев никого в комнате, кроме девчонки и застывшего побледневшего сына, зло оскалился. – А, кишка тонка?! Убийц нет. Ведь я прав? Трус. Крысой пробрался в замок и решил увести самое ценное... Но ты прогадал. Охрана! – завопил старик.

– Прекрати... Хватит! – Ли Гон – младший с перекошенным от боли и злости лицом повернулся к молчаливо наблюдавшей за происходящим девчонке. – Я не хочу...

– Ладно, – одарив непонимающим взглядом побледневшего мужчину, еле слышно выдохнула Ки. Она не взмахивала руками, не произносила никаких слов. Для её волшеб-

ства не нужно было ничего такого. Она просто стояла и молча смотрела на Ли Гона. Но тот спиной почувствовал, когда призрак растворился в воздухе, не оставив после себя ровным счётом ничего. Виктор закрыл глаза. Желваки на его болезненно впавших щеках нервно заходили ходуном. Через пару тягучих мгновений он произнёс:

– Я хотел освободить тебя.

Ки всё так же стояла и смотрела, изредка моргая, совершенно равнодушно. Так, наверное, смотрит камень на текущую мимо воду. Затем её окутал туман, а когда дрожащая пелена рассеялась, перед Виктором стоял мальчишка-подросток и пялился на него зеленющими наглыми глазищами...

Сердце Ли Гона пропустило один удар, он резко выдохнул, а на вдохе вдруг вспомнил то, как он стал жуком, и зелёного дракона в этой самой комнате...

И этого всего вдруг стало так много, что внутри что-то щёлкнуло, и всё то, что Виктору удалось узнать за прошедшие годы о пленнице, которую скрывала тайная комната, – всё это неожиданно стало реальным. Нужно быть слепцом, чтобы думать, что Ки человек. Мужчина это понял и осознал.

Ли Гон развернулся и молча вышел в ночь, едва не сбив замешкавшегося у двери Джона Хёка.

По вздувшимся напряжённым мускулам скользили холодные струи льющейся из душа воды. Было безумно холодно,

но даже это не могло сбить того возбуждения, которым пылало тело Виктора. Мужчина хрипло и сбивчиво дышал. Стоял, закрыв глаза и уперевшись лбом в холодный гранит стены. За закрытыми веками пульсировала красным бешеная, почти животная ярость на отца и на эту девчонку, что и бровью не повела, погрузив Виктора в самый эпицентр подавленных детских кошмаров. Бесконечных ночных метаний, в которых Виктор видел отца и жаждал его любви, но был нескончаемо отвергаем, точь-в-точь как в нелицеприятной реальности. А потом она, словно мучений Виктора было ещё недостаточно, превратилась в подростка, а желание обладать ею осталось...

...Тварь...

От этой мысли мужчина застыл, окаменел, будто молнией поражённый. Не осознавая того, он сейчас в точности повторил любимое выражение отца, вплоть до интонации.

...Вот так и рождаются монстры...

Ли Гон зарычал и, отклонившись, впечатал кулак в стену. Послышался треск плитки. Мужчина, не отнимая руки от стены, опустил голову и выдохнул сквозь сцепленные зубы.

Слабый голос разума, всё ещё пытающийся пробиться сквозь стену из нагромождённых новых, каких-то инородных чувств и желаний, твердил, что не нужно приближаться к этой проклятой двери, а тем более открывать и пытаться общаться с существом, томящимся за ней.

Так измениться за сутки... Мужчина понимал, что это ненормально. Ранее никогда президент не испытывал таких мучительно сильных неконтролируемых эмоций. Самое сильное – это злость на отца, и кроме этого... ничего. Но не теперь. Сейчас внутри вырос и извергался вулкан. Ещё немного, и не останется ничего.

И хуже всего эта девчонка... Кирина, она знала, что он чувствует, мужчина был в этом уверен. Это читалось в её глазах. И она специально мучила его. Издевалась.

...Пытаясь отомстить за все свои страдания?..

Он понимал, но не мог не злиться в ответ. Слишком больно ему было. Слишком по живому.

От злости на себя скрипя зубами, Виктор вышел из душа. Обмотав бёдра полотенцем, застыл каменным истуканом у окна, невидящими чёрными глазами всматриваясь в темноту ночи. Затем метнулся к ящикам. Отыскал среди папок ту, которая была с пометкой «Х». Эти документы ему периодически доставляли люди, специально нанятые, чтобы следить за отцом. Раньше Виктор отбрасывал их, ввиду бредовости того, что в них было понаписано. Но теперь...

Президент уселся в кресло и стал перелистывать испещрённые чёрными буквами листы, время от времени хмурясь, перечитывая то, что сразу не укладывалось в воспалённом сознании.

18 января 1453 г.

Кирин был перевезён из Южного дворца, где он обитал, в резиденцию Гон. Перевозили в закрытом экипаже. На протяжении всего пути следования процессии таял снег, прорастала трава, растения просыпались, словно уже наступила весна. Из сорока стражников, обеспечивающих охрану существа, к концу пути в живых остались десять человек. Хотя никто не знал, что они сопровождают, и во время перевозки Кирин не покидал экипажа. По всей видимости, его влияние и сила продолжают расти.

25 октября 1583 г.

Восстание крестьян. Люди пытались освободить Кирина. В деревнях распространился слух о том, что Бог покарает правителя и его народ за то, что божественное существо удерживается против его воли.

3 апреля 1603 г.

Одна из служанок накормила существо мясом барашка. Возраст Кирина увеличился года на три. Теперь он выглядит как девочка лет семи. Кирина перевели в одну из тех комнат, которые расположены в подвале. Теперь к существу имеет право заходить только король Сок. Служанку казнили.

11 ноября 1608 г.

Кирин постоянно спит. Возможно, условия содержания сказываются на его состоянии.

29 ноября 1608 г.

Король Сок отказывается верить в то, что сырая каменная комната без окон является причиной плачевного состояния Кирина. Казнён пятый лекарь.

1 декабря 1608 г.

Лекари в империи закончились. Решено привезти заграничного.

3 декабря 1608 г.

Король Сок лично пытался разбудить Кирина. Не удалось. В порыве ярости король приказал поместить Кирина в ящик, закрыть крышку на замок и держать его там, пока не одумается.

7 ноября 1613 г.

Король Сок скончался. Да здравствует король Мин!

7 ноября 1613 г.

Приказом короля Кирина освобождают из ящика. Существо перенесли в одну из комнат внутреннего сада.

11 ноября 1614 г.

В саду, вопреки времени года, расцвёл жасмин.

16 ноября 1614 г.

Кири́н проснулся.

За окном светало. Виктор так и сидел в кресле. Перед ним на столе чуть в стороне лежала раскрытая папка.

Мужчина прикурил очередную сигару. Горький вкус жасмина, казалось, уже пропитал всё его тело и теперь мелкими крупинками отделялся от кожи, смешиваясь с дымом и кружась, кружась вокруг мужчины.

Внутри снова дышала боль. Жизнь девчонки, записанная в тетрадку, немым ужасом осела в сердце Ли Гона. И от осознания страданий, выпавших на долю Ки, невозможность отпустить её сейчас особенно явственно ощущалась Виктором собственной неполноценностью, неспособностью сделать что-то, что для других являлось нормой. И через всю растерянность и боль пришло осознание своего уродства. Он снова чувствовал себя монстром, страшным, несуразным, отторгающим свет.

Глава 6. Достаточно только представить

Просторная прохладная ткань, служившая Ки одеждой, непривычно облепила новое тело. За вечное время своей жизни Кирин никогда ещё не была настолько чужой для себя и потерянной.

Девушка неловко передёрнула острыми плечами и отдёргнула сдавившую горло намотанную кое-как шёлковую вуаль. Шёлк, слишком податливый, словно готовый на всё ради своей хозяйки, послушно заскользил вниз, открывая плоскую мальчишескую грудь. Ки никогда не доводилось быть парнем. Хотя она могла быть кем угодно, но собственное тонкое душевное устройство и восприятие мира людей, по разумению божественного создания, были всё же ближе к женскому началу, нежели к мужскому. И Кирин в момент рождения, который совпал с моментом схождения на землю, обратился ребёнком, девочкой. Он чувствовал и верил, что именно так задумывал Отец, хотя тот никогда не очерчивал границ.

Вздёрнув бровь, Ки поймала тонкими пальцами шёлк и упёрлась горящим взглядом в открытый сейчас дверной проём, через который в этот душный плен, окружающий её вот уже столько лет, пульсирующим ароматом цветущего жасмина вторгалась немой захватчиком ночь.

Новый хозяин вышел в эту насквозь пропитанную жизнью темноту.

Хозяин...

Сколько их было за тысячу лет? Тридцать? Что-то около того... Если напрячься, Ки смогла бы вспомнить точно, но ей не хотелось. Ей было стыдно признаваться, что не всегда удавалось понимать смысл поступков Отца. Что иногда божественное создание сомневалось. Что иногда ей хотелось сбежать. И дело не в боли, хотя вечное тело было вполне себе человеческим и испытывало весь спектр ощущений, присущих человеку. Ки точно так же, как и любой человек, нуждалась в воздухе, воде и пище. Но она свыклась с ограничениями в еде, ведь так она не выросла, а значит, могла прожить дольше и дольше служить роду Доброго человека. Правда, очень редко, но ей всё же хотелось, чтобы Отец выражался яснее, когда благословлял своими дарами. Если бы только Он уточнил, что Кирин должен служить только Доброму человеку... Но нет. И плен длился вечно, ведь сыны Доброго человека ненасытны, а Ки должна подчиняться. Если говорят не есть, она не будет есть. Говорят не дышать...

Но этот был странным. Новый хозяин носил в себе странные желания, ставившие в тупик Ки. Никогда раньше никто из прежних хозяев не видел Кирина – только то, что он мог дать. Их интересовало богатство, власть и защита, которую мог подарить Кирин своему обладателю. А этот смотрел так, что вечное сердце золотого Кирина замирало, а ла-

дошки начинали потеть. Ки казалось, чёрные глаза человека видят её насквозь, все сомнения, метания, все безответные монологи, обращённые к Отцу, и всю боль, которую способно вместить только вечное тело. И это раздражало обычно невозмутимое существо. Девушка не знала, как реагировать на то, что её вдруг заметили. А ещё в ней вдруг подняла голову обида на весь род, веками держащий её в плену. Словно то, что мужчина с чёрными глазами вдруг возжелал обладать ещё и телом божественного создания, стало последней каплей в терпении Кирина. Они тратили её жизнь, они мучили её голодом, они ограничили её мир до размеров одной комнаты... А теперь пришёл он и захотел овладеть её телом, про себя называя всё это помешательством и любовью, прямо как в дешёвых романах, которые читала Ки... Но это не роман. Скорее триллер с элементами ужаса...

Джон Хёк, всё это время стоявший между застывшей покрасневшей Ки и открытой нараспашку дверью, шумно выдохнул. В руках он держал поднос с тарелкой всё ещё парящего супа, сложенным в плетёную корзинку хлебом, прикрытым зелёным полотенцем, и чашкой кофе, в котором плавали белые зефиринки в количестве пяти штук. Джон прищурился, затем прикрыл один глаз, потом второй. Оба закрыть не было возможности, так как парень всё же осознавал, что именно он сейчас является той преградой, которая удерживает существо от побега. Но манипуляции с глазами не принесли ожидаемых результатов. Ки, стоящая на-

против, так и осталась парнем. Мозг Джона отказывался сбавлять, выдавая ошибку на череду запросов о том, всегда ли Ки была парнем? Определённо не была, так как глава охраны совершенно точно помнил упругую остроконечную грудь, очерченную тонкой тканью. А теперь... её не было, ну, груди...

– Невозможно, – выдохнул Джон и, кажется, начал бледнеть. По должности это ему, конечно, не положено было, но тем не менее.

Ки наконец заметила, что не одна в комнате, и, поджав губы, устремила любопытный взгляд на испуганного мужчину.

– Что именно? – уточнила она в ответ на возглас Джона.

– Вы... парень? – всё ещё отказываясь верить своим глазам, спросил начальник охраны.

– Ах, это... – Ки опустила зелёные глаза, недовольно рассматривая себя. – Всего лишь попытка уйти от нежелательного контакта, – как-то нехотя объяснила Ки. Но мужчина всё ещё тарасился, изображая статую, поэтому Ки-рин, желая разрешить неловкую ситуацию, произнесла: – Это не сложно. Достаточно только представить.

Зелёные глаза потемнели на мгновение. Комната вокруг пошатнулась, по крайней мере, Джону так показалось. А после златовласая фигура Ки, вместе с синей шёлковой тканью её одежды, затянулась расползающимся в стороны туманом, и вот уже посреди комнаты, сбивая бесконечными пере-кручивающимися, извивающимися щупальцами книги с по-

лок, со скрежетом двигая по каменному полу кресло и весьма тяжёлую на вид кровать, громоздился тёмно-фиолетовый склизкий и просто огромный осьминог...

Реальность теряла давно расчерченные границы вместимости. Джон отступил на шаг, безжалостно раздавив не успевших разбежаться хрустнувших под подошвой кожаных ботинок жуков. Морское чудище вздрогнуло, снова засветилось и смялось до размеров хрупкой взъерошенной фигурки девушки, которая с ужасом в глазах бросилась к бледному начальнику охраны.

Кто бы знал, чего стоило Хёку не развернуться и не дать дёру в сад и дальше, по коридорам особняка, к дверям и на свободу, прочь от всего этого...

Но желание это он сглотнул, как сухой ком, прокатившийся по горлу, и остался стоять, чтобы расширившимися от испытанного шока глазами наблюдать, как, словно в замедленной съёмке, существо, которое снова было девушкой, взметнув волну золотых волос, падает перед ним на колени и, схватив за щиколотку, пытается оторвать его ногу от пола...

Сквозь пелену белого шума и какого-то детского испуга Джон с трудом разобрал слова:

– Ну, подними же!

– Что? Чего вы... – Парень поднял наконец ногу, а Ки, замерев на мгновение, дрожащими руками собрала с пола раздавленные тельца жуков и, спрятав их в своих ладошках, поднесла к лицу, закрыла глаза и что-то тихо, совсем нераз-

борчиво зашептала.

Из дверного проёма в спину Джона ударил порыв ветра, скорее похожий на чей-то тяжёлый выдох. Прохладный воздух ночи пробрал насквозь, до костей. Тонкая чёрная рубашка не оказалась способна спасти мужчину от неожиданного холода. Начальник охраны неизвестно в какой раз вздрогнул. А Ки открыла глаза, посмотрела на свои кулачки, затем медленно разжала пальцы.

Джон моргнул, пытаясь уйти от реальности, но он видел то, что видел. На розовых губах Ки расцвела улыбка. Джон, всё ещё отрицая происходящее, медленно замотал головой из стороны в сторону. Но на ладонях девушки ползали чёрные, блестящие, совершенно живые жуки. И это было невероятно... Этого просто не могло быть...

– Жизнь такая... хрупкая, – провожая взглядом убегающих по полу жуков, задумчиво произнесла Ки. А потом, запрокинув голову и всматриваясь в лицо мужчины, совершенно будничным тоном поинтересовалась: – Можете быть осторожнее?

Джон Хёк мгновение медлил, но зелень в глазах девушки стала ярче, и вот уже начало казаться, что она может вылиться наружу и затопить эту комнату.

Джон не хотел утонуть. Вообще, сейчас страх смерти обрёл небывалый размах, от напряжения свело судорогой пальцы так, что стало больно от металла подноса, который парень всё ещё держал в руках. Начальник охраны кивнул и, надеясь

сменить тему и, может, побыстрее сбежать из этого сосредоточия ломающих привычную реальность событий, с трудом произнес:

– Вы должны поесть.

Ки легко поднялась с пола и, отступив назад, развернулась, ушла к противоположной стене, чтобы уже оттуда, косясь на расставленные на столе тарелки, печально и медленно произнести:

– Мне нельзя. У вас будут проблемы.

Джон растерянно застыл, пытаясь оценить заботу о себе, исходящую от существа ему непонятного и пугающего.

– Но президент разрешил, – хриплым, как с великого перепоя, голосом ответил Джон. Он и чувствовал сейчас себя абсолютно больным. Хотелось в кровать. Хотелось выпататься. А проснувшись, понять, что это всё сон... Вот только работа...

– Разрешил? – удивлённо переспросила девушка. А через мгновение задумчиво сама же себе ответила: – Действительно. Разрешил. Тогда поем.

Дверь глухо стукнула за спиной. Темнота вокруг была бы почти абсолютной, если бы не рассеянная, едва заметная полоска света от разгорающегося рассвета под плотной шторой.

Джон от усталости едва не валился с ног. Так он, наверное, ещё никогда не уставал. Но всё, о чём он сейчас мог думать,

касалось той девушки... существа... Бог знает кого...

Хёк с усилием выдохнул и так же принудительно втянул воздух. Может, он так надеялся прийти в себя, но нет. Его постоянно затягивало обратно, не позволяя вынырнуть из мысленного капкана заикленности на одном.

Начальник охраны стоял, опустив плечи. Просто стоял посреди пустой комнаты, которая была приготовлена для него, но была чужой, не обжитой, безликой. А когда Джону было обживать этот отведённый ему угол? После приезда Хёк постоянно был занят: организовать надлежащую охрану нового главы клана на такой территории было тем ещё затруднением. Но, как ни удивительно, не это вымотало парня. Скорее, причиной его тотальной разбитости были те ненормальные вещи, которые происходили вокруг мистического существа, живущего в тайной комнате.

Джон был уверен: если бы не обязанность присматривать за нечеловеком, параллельно пытаясь сохранить остатки разума, всё бы было нормально. И он не стоял бы сейчас и не пялился пустым взглядом на свой всё ещё не разобранный чемодан.

Всё было странно. Абсолютно ненормально. А вишенкой на торте этого безумия определённо стало то, как менялось лицо девушки, пока она с завидным аппетитом поглощала свой ужин. Джон словно увидел само время. И это было просто за гранью. Буквально за одну тарелку супа, булку и чашку кофе девушка повзрослела на пару лет. От подростко-

вой угловатости и неловкости не осталось и следа. Существо довольно потянулось, встав из-за стола. Под тонкой тканью аппетитно вырисовывались округлые бёдра, тонкая талия и пышная грудь.

– В пересчёте на ужины – всего девяносто три, – сообщила девушка и зевнула в ладошку.

– Не понял, – честно признался давно уже сбитый с толку Джон Хёк.

– До смерти девяносто три вот таких ужина, – приветливо улыбнувшись, пояснила Ки.

Джон поморщился от явного диссонанса между смыслом прозвучавших слов и выражением губ, их произнесших, но всё же запомнил, словно на сердце отпечаталось, – всего девяносто три ужина...

А сейчас, вспомнив это, парень потёр лицо руками, порывисто взъерошил волосы и, справившись наконец с охватившим его тело оцепенением, сделал шаг в сторону стола. На ходу расстегнув рубашку, достал воткнутый за ремень кольт. Уставившись на чёрный ствол, словно в первый раз его видел, Джон с отвращением швырнул оружие на стол. Его работа вдруг перестала приносить удовольствие, а жизнь, в которой, казалось, он уже многого достиг, показалась совершенно бессмысленной. Единственное, что в его жизни было настоящего – это его отец. Но он умер, в то время пока Джон защищал жизни совершенно чужих и ничего не значащих людей...

Но пустота навалилась и отступила. Кинув рубашку на кресло, начальник охраны скрылся в душевой. Нужно было привести себя в порядок. Через час проснётся президент, а значит, начинается новый рабочий день.

Глава 7. То, чем он располагает

Виктор лежал в своей кровати голый. Всё, что на нём было – это кое-как намотанное на бёдра полотенце, которое почти сползло. Президент блестящими чёрными глазами таращился в потолок, но всё, что видел – это пронзительно-зелёные глаза, с ненавистью смотрящие на него. Взгляд, прожигающий насквозь...

Виктор с глухим стоном выдохнул, перевернулся на бок. Затем вскочил.

В дверь постучали. За окном уже рассвело. Гон снова не спал, но что для главы корпорации пара бессонных ночей? Так, ерунда.

Прошествовав к двери, мужчина распахнул её, одновременно раздражённо рявкнув: «Кто?» А за дверью были всё те же – собрание секретарей в серых костюмах, – правда, сегодня эту серость разбавил белый.

Рядом с главным секретарём стояла блондинка, затянутая в белый костюм. Блондинка показалась Ли Гону смутно знакомой, но это всё, что он не поленился подумать на её счет. Президент уставился на секретаря, ожидая объяснений столь раннему визиту. Но сухой ссутулившийся мужчина неопределённого возраста лишь растерянно открыл рот и так и остался стоять. Блондинка же с интересом оглядела Гона с ног до головы. Это президенту, конечно, не понравив-

лось, но, проследив за заинтересованным взглядом порозовевшей девушки, Виктор наконец понял причину неловкого молчания: он был голый, забытое полотенце осталось валяться на кровати. Мило. До чего ещё способна довести его зеленоглазая бестия?

Президент нервно вздёрнул бровь. Ему, конечно, безразлично, но всё равно неприятно.

– Через полчаса в конференц-зале, – раздражённо бросил мужчина и захлопнул дверь.

Вольф Тони Фильц – именитый бизнесмен, владелец крупного производства высококачественного виски и почти бесконечных гектаров полей, на которых, собственно, и выращивалось сырьё для жгучего напитка.

Фамильный бизнес клана Фильц процветал. Вот уже несколько десятилетий виски «Т/Фил» по праву считалось лучшим на трёх соседствующих континентах, куда его успешно экспортировали. Невозможно было придумать, в чём мог нуждаться владелец алкогольного бизнеса. Такого, наверное, и не было. Хотя было кое-что, что частенько не давало Фильцу спать по ночам.

Вольф Фильц был обычным безродным дельцом, знавшим толк в бизнесе и обладающим изрядной долей везения, но везение могло однажды закончиться. И возможность этого сводила миллиардера с ума. Поэтому Вольф решил добавить стабильности в туманное будущее путем объединения с бо-

лее могущественным и древним родом Ли Гон.

Мужик мало что понимал в родословных, но одна лишь мысль о том, что среди предков этой семьи были правящие короли, почти сносила крышу и заставляла Фильца розоветь от удовольствия и прищуривать блестящие жадностью глаза.

Бывший глава клана Ли Гон был женат, но он так своевременно скончался, что Вольф, не теряя даром время, решил сделать преемнику умершего предложение, от которого тот не сможет отказаться. Поэтому его дочь, Кэрол Фильц, в сопровождении группы юристов, ведущих дела семьи Фильц, сейчас сидела за большим столом, установленным на просторной веранде, которая служила в резиденции Гон чем-то вроде конференц-зала. Напротив сидели секретари в сером. Вдоль стен толпилась охрана в чёрных костюмах – группа из десяти человек, охраняющая Кэрол Фильц, и втрое больше тех, кто обеспечивал охрану главы клана Ли Гон. Самого президента ещё не было.

Блондинка, положив ногу на ногу, откровенно скучала и от нечего делать крутила в руках стеклянный бокал, на одну треть наполненный шампанским. Девушка накануне перепила, и сейчас её мучила вязкая пульсирующая головная боль. Хотя эта боль почти отступила, когда на пороге комнаты в сумраке едва освещённого коридора возник обнажённый глава древнего клана.

Вспомнив мощную мужскую фигуру, Кэрол неловко за-

ерзала на стуле, пытаюсь найти удобное положение и как-то унять жар и зуд, который от одного только взгляда на огромный торчащий член Виктора мгновенно возник где-то под пупком и быстро спустился вниз, и теперь между ног было нестерпимо жарко и влажно.

Узкая юбка, заканчивающаяся чуть выше колен, сковывала движение и, как ни странно, только усиливала возбуждение. Блондинка раздражённо выдохнула и залпом выпила шампанское. Сидящие за столом дружно переглянулись, явно осуждая поведение девушки. Всё же раннее утро, да и встреча важная – обсуждение объединения двух кланов.

Но Кэрол Фильц была абсолютно равнодушна к мнению окружающих. Наследница алкогольного бизнеса выросла циничной, избалованной деньгами и мужским вниманием. И ей бы никогда не пришло в голову выйти замуж по просьбе отца и во имя благополучия семьи, если бы кандидатом в мужа по счастливому совпадению не оказался Виктор Ли Гон. Ведь девушка давно и качественно запала на наследника корпорации. Но несмотря на то, что они вместе учились в одной группе в университете, Кэрол так и не смогла добиться желаемого. И пожалуй, это даже в большей степени сводило её с ума, чем чёрные, дикой красоты глаза Ли Гона. Она давно привыкла без труда получать всё и всех, а Виктор был неизменно холоден и неприступен и, казалось, презирал всех и вся вокруг себя. Потому от одной только мысли о нём девушка текла и доводила себя до ор-

газма в тёмной комнате, в ванной или кабинете директора университета на глазах одного, только повторяя имя объекта своих желаний и трогая себя там, куда больше не допускала ни одного мужчину, поскольку никто из них более не мог удовлетворить её, не выдерживая сравнения с наследником семьи Ли Гон.

Когда тяжёлая дверь распахнулась и в зал вошёл Виктор, девушка прикусила губу и, разом выпрямившись и едва не сложив руки на коленях, напряжённо застыла, ловя горящими глазами каждую мелочь во внешности мужчины.

Совершенно определённо президент принял душ, поскольку чёрные волосы были ещё влажными, и тяжёлые пряди падали на лоб, прикрывая брови. Сейчас Ли Гон был одет в чёрную рубашку и такого же цвета брюки. Выглядел, как всегда, безупречно. Но Кэрол хотелось другого – отсутствия одежды и посторонних. Хотя последнее было совсем не обязательным. Блондинка мечтала принадлежать этому властному, до жестокости равнодушному мужчине, а как это произойдёт и где – дело десятое.

Мужчины повставали со своих мест, чтобы выказать своё почтение новоиспечённому главе клана. Клэр только растянула ярко-красные губы в улыбке и едва склонила голову, когда взгляд чёрных глаз прошелся по ней.

Виктор, взъерошенный и катастрофически невыспавшийся, с трудом заставил себя явиться на эту внезапную встречу, состоявшуюся в восьмом часу утра, но вот вникать и разби-

ратся в сути происходящего ему совсем не хотелось. Мысли мужчины были сейчас совершенно в другом месте.

Ли Гон отыскал среди чёрных костюмов охранников, цепочкой облепивших зал по периметру, широкоплечую фигуру Джона. Тот едва заметно кивнул, приветствуя президента.

Виктор с сожалением подумал о том, что ещё вчера нужно было приказать другу охранять Ки. Эта зеленоглазая девчонка стала вдруг сосредоточием всего, а кто, как не Джон, смог бы обеспечить наилучшую охрану этому златовласому сокровищу. Интересно, она уже позавтракала?

Виктору хотелось как можно скорее оказаться в той тайной комнате и объясниться с обиженной девчонкой. Мужчина уже успел признать себя виноватым во всём, что совершили его предки, а также в этих своих постыдных мыслях и желаниях...

Ли Гон устало опустил в кресло. Оправил ворот рубашки, душившей его.

Секретарь Ким прокашлялся и, привстав, протянул президенту папку с документами. Виктор нахмурился. очередное разбирательство меж кланами или внутрисемейные дразги? Какую проблему предстоит решить сегодня? На глаза вновь попала девушка, одетая во всё белое. Где же он её уже видел? Но Ли Гон никогда не отличался особой памятью на лица, хотя бы потому, что и не стремился никого запоминать. Окружающие были ему безразличны. Ну, кроме Джона или секретаря Ким. И, конечно, Ки... С первого взгляда

её лицо до последней чёрточки отпечаталось в его сознании настолько чётко и ясно, что он без труда мог разглядывать её всё время, словно Ки была рядом. Протяни руку и сможешь дотронуться...

Тряхнув головой, Виктор попытался отогнать возникшее перед глазами золотое видение и сосредоточился на деле. Открыл папку и с недоверием уставился на список. Он пролистал несколько страниц. Вскинул голову и вопросительно посмотрел на секретаря. Тот сглотнул и, поднявшись, начал говорить:

– Президент Ли Гон, миллиардер Вольф Тони Фильц предлагает вам принять в знак его уважения некоторые земли, принадлежащие корпорации «Т/Фильц». Список владений перед вами. И также просит оказать ему честь и взять в жёны его дочь – Кэрол Фильц.

Секретарь Ким замолчал. Блондинка, до этого неподвижно сидящая за столом, вздрогнула и, поставив на стол пустой бокал, встала, очевидно чтобы представиться.

Виктор захлопнул папку. Чёрные брови сошлись на переносице. Но губы изогнулись в улыбке, и это выглядело поистине зловеще, вкупе с абсолютно чёрными сейчас глазами. Секретарь Ким, находившийся к президенту ближе остальных, неловко отступил на шаг. Охрана, безошибочно почувствовав изменение в настроении своего босса, напряглась: мужчины синхронно выпрямились, расправили плечи и затаили дыхание.

Ли Гон отбросил папку, та заскользила по гладкой отполированной столешнице и остановилась примерно на середине стола.

– Передайте мистеру Фильцу, клан Ли Гон не испытывает нужды в землях. И кому оказывать честь... я как-нибудь сам решу. На этом всё. Свободны.

Ли Гон не повышал голос, но все до единого в зале почувствовали это – угрозу, которая волнами расходилась от фигуры президента и, проникая под кожу, смешиваясь с пульсом, заставляла сердце ускорять свой бег, а мозг сжиматься и поспешно просчитывать пути отступления.

Кэрол тоже это почувствовала. Нервы девушки оголёнными проводами воспринимали эти импульсы, заставляя напрягаться каждый мускул, и этот животный страх приносил вполне определённое физическое наслаждение.

Виктор поднялся и, не говоря ни слова, вышел в распахнутые двери, оставив присутствующих молча переваривать случившееся. Многие выдохнули, ослабляя галстуки и вытирая пот, выступивший на лбах.

У Кэрол просто подогнулись ноги, она опустилась обратно на стул, ощутив, как кровь горячей волной прилила к щекам и мочкам ушей. Руки мелко дрожали. Девушка всё-таки кончила и теперь тяжело дышала, продолжая рассматривать невидящим взглядом двери, в которые вышел президент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.